

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК81'42

ББК81.005.1

Ч-57

DOI: 10.53598/2410-3489-2024-3-342-85-95

РАЗЛИЧИЯ В ИНДЕКСАХ АГРЕССИВОВ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ ВОСТОКА И ЗАПАДА: ПАРАВЕРБАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ЭМОТИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ (Рецензирована)

Лудань ЧЖАН

Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы, Москва, Россия
854524203@qq.com

Ирина Советовна КАРАБУЛАТОВА

Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы, Москва, Россия
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия
Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китай
Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, Россия
radogost2000@mail.ru

Аннотация. Анализируются различия в восприятии агрессии в этнолингвокультурных традициях России и Китая, которые могут вызвать диссонанс искаженного восприятия медиадискурса у реципиента не только из-за разницы трактовок феномена конфликта, но и из-за фонематических особенностей разноструктурных языков. Фонематические особенности позволяют выявить паравербальные индексы агрессивива в медиапространстве, обнаруживая тенденцию к росту в условиях лингвоментальной информационной войны гибридного типа. Приоритет коммуникативной активности в цифровом формате предопределил лидирующие позиции поликодового представления информации, вследствие чего дискриминационное поведение стало проявляться в поликодовом формате, с аудио- и видеопрезентациями. Заявляемая авторами агрессология рассматривает реализацию агрессии соответственно на вербальном, аудиальном (паравербальном) и невербальном гипертекстовом поликодовом уровнях. Рассмотрение паравербальных фоносемантических характеристик агрессии связано с распознаванием агрессии в речи, что является важным моментом для определения границ агрессии.

Ключевые слова: речевая агрессия, агрессивив, параметризация, медиадискурс, эмотивное восприятие.

Для цитирования: Чжан Л., Карабулатова И. С. Различия в индексах агрессививов в медиапространстве Востока и Запада: паравербальный аспект эмотивного восприятия // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение, 2024. Вып. 3 (342). С. 85–95. DOI: 10.53598/2410-3489-2024-3-342-85-95.

ORIGINAL RESEARCH PAPER

DIFFERENCES IN THE INDICES OF AGGRESSIVENESS IN THE MEDIA SPACE OF EAST AND WEST: THE PARAVERBAL ASPECT OF EMOTIVE PERCEPTION (Reviewed)

Ludan ZHANG

Peoples' Friendship University of Russia named after P. Lumumba, Moscow, Russia
854524203@qq.com

Irina S. KARABULATOVA

Peoples' Friendship University of Russia named after P. Lumumba, Moscow, Russia
Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Moscow, Russia

Heilongjiang University, Harbin, China
Moscow State Technical University named after N. E. Bauman, Moscow Russia
radogost2000@mail.ru

Abstract. The authors consider the differences in the perception of aggression in the ethnolinguocultural traditions of Russia and China, which can cause dissonance in the recipient's distorted perception of media discourse not only because of the difference in interpretations of the phenomenon of conflict, but also because of the phonemic features of different structured languages. Phonemic features make it possible to identify paraverbal aggression indices in the media space, revealing an upward trend in the context of a linguistic information war of a hybrid type. The priority of communication activity in digital format predetermined the leading positions of the polycode presentation of information, as a result of which discriminatory behavior began to manifest itself in the polycode format, with audio and video presentations. The aggressology claimed by the authors considers the implementation of aggression at the verbal, auditory (paraverbal) and non-verbal hypertext polycode levels, respectively. Consideration of the paraverbal phonosemantic characteristics of aggression is associated with the recognition of aggression in speech, which is an important point for determining the boundaries of aggression.

Keywords: speech aggression, aggressive, parameterization, media discourse, emotive perception.

For citation: Zhang L., Karabulatova I. S. Differences in the indices of aggressiveness in the media space of East and West: the paraverbal aspect of emotive perception // Bulletin of Adyghe State University, Ser.: Philology and Art Criticisms, 2024. No. 3 (342). P. 85–95. DOI: 10.53598/2410-3489-2024-3-342-85-95.

Введение

Сегодня мы можем говорить об информации как одном из видов языка сложного генеза и иерархии, поскольку ее синергетический характер, объединяющий и технический, и нейробиологический, и психофизиологический, и собственно лингвистический каналы передачи демонстрирует закономерную избыточность, которая сформировалась эволюционно для улучшения процессов кодирования и декодирования в разных системах коммуникации в координатах понимания опасности и безопасности, а соответственно агрессивности и миролюбия. В этой связи разные цивилизационные парадигмы обращают внимание на разные триггеры, что позволяет сформировать уникальность эмотивного реагирования каждого этнокультурного кода, в котором содержатся разные типы онтологий, включая брендовые, а также уникальные и избыточные компоненты, свойственные той или иной культуре. При этом современная информация в силу включения математических кодов, технических способов выражения искусственного интеллекта приобретает черты многомерной поликодовости, в которой экспрессия эмоций становится доминирующей в социальном инжиниринге посредством цифровых медиа и виртуальной коммуникации. Как справедливо указывают Н. М. Шишхова и К. Н. Анкудинов, паравербальные компоненты создают фоносемантический потенциал текста, который может трансформировать и сменить полярность нейроэстетического восприятия у реципиента [1]. Фоносемантический рисунок агрессии в медиа России и Китая испытывает давление вследствие поликодовой экспрессии транслируемых эмоций в медиaprостранстве, что накладывает отпечаток на речеповеденческую матрицу реципиента медиа с формированием интактности к шок-контенту. При этом семантические маркеры страха, ужаса, конфликта, агрессии могут приобретать дополнительную эмотивность за счет озвучивания новостного сообщения, усиливая воздействие негативного спектра эмоций [2].

Актуальность анализа агрессивных маркеров в медиaprостранстве многократно возрастает как результат актуализации противостояния геополитических игроков в современной лингвоментальной информационной войне, роста напряженной обстановки из-за смены цивилизационных парадигм вследствие четвертой

промышленной революции, выступлений неолуддитов и представителей различных асоциальных девиантных групп как на Востоке, так и на Западе. В то же время степень проявления агрессивного поведения в речеповеденческих стратегиях в медиапространстве определяется с помощью **индексов** агрессии, или **вербальной дискриминации** [3]. Под индексами агрессии понимаются механизмы оценки направленного негативизирующего воздействия на реципиента [4].

Аудиальный план реализации агрессии может быть представлен отдельной сложной метаграфовой структуры, доводя трактовку агрессии от верхних уровней до нижних (например, на уровне взаимодействия гормонов, физиологических реакций, вербальных триггеров, речеголосовых интонаций, обертонов аудиосигнала, включения дополнительных шумов). Параметризация каждого типа агрессии может быть охарактеризована с точки зрения физиологических, нейрогуморальных, психологических, социальных, культурологических, вербальных и иных маркеров. При этом указанные блоки могут быть развернуты в более развернутые онтологии характеризующих маркеров агрессии.

Дополнительное описание сложности внутреннего устройства агрессии помогает определять степень эффективности негативизирующего воздействия, обнаруживая вычислительные сложности. Расширение определения сложности агрессии в рамках нашей концепции агрессивологии могло бы помочь объяснить такие явления, как формирование речеповеденческих привычек. Агрессия возникает при появлении неконгруэнтных мыслей или мотивирующих тенденций к конфликтному действию. Но что означает агрессия с точки зрения формальной лингвистики? Интуитивно можно предположить, что сама реализация агрессии содержит некоторую часть неконгруэнтных когнитивных процессов в виде мыслей, восприятия, мотивов к совершению определенного действия по отношению ко всем текущим когнитивным операциям. Фоносемантический аспект восприятия агрессивной новости связан с распределением на два глобальных типа агрессии: агрессия реакции и агрессия стимула (провокатив).

Материалы и методы

Эмпирической базой послужили отобранные в виде сплошной выборки 302 новостных сообщения на русском и китайском языках, сопровождаемые видео со звуком, опубликованные в медийном пространстве России и Китая в период с 2013 по 2024. Основные методы, используемые в работе: систематизация и обобщение, контент-анализ, дискурсивный анализ, описание, лингвориторический анализ, фоносемантический и лингвосемиотический анализ. Использовались также лингвистические методы медиалингвистики, медиапсихологии, психолингвистики, эмотивной лингвистики для определения уровня интерпретации и выявления психолингвистических маркеров агрессии в новостном дискурсе.

Результаты и дискуссия

Поликодовое и мультимодальное представление информации в медиапространстве нацелено на создание определенного мнения у реципиентов, чем на безоценочное информирование, поэтому закономерно говорить о планомерной реализации нейропсихолингвистического управления общественным сознанием посредством сложного манипулятивного механизма с языковой доминантой, в котором особое место принадлежит феномену вербально-невербальной агрессии, позволяющей заменить физические насильственные действия на демонстрацию возможности потенциальной угрозы для общества посредством СМИ.

Двоичный код агрессии (конструктивной и деструктивной) регулируется эмотивным базисом личности, в котором само моделирование агрессии четко

параметризуется по антонимическим парам на разных уровнях (рис. 1). Однако синонимично-антонимичное распределение агрессии, благодаря чему ее можно охарактеризовать как конструктивную или деструктивную довольно условно, обнаруживая зависимость от контекстуального наполнения.

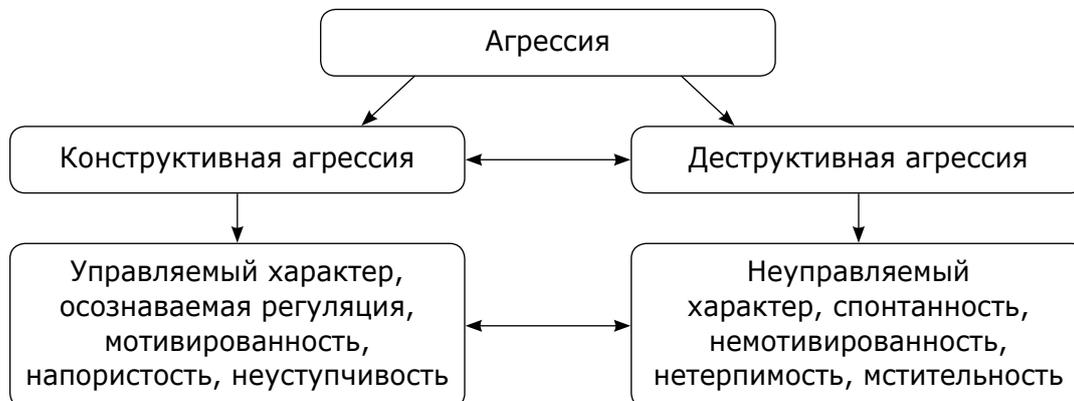

Рис. 1. Двоичный код агрессии в речевом поведении

Атрибуция основных причин возникновения агрессии позволила выделить основные кластеры, а именно: биологические, социальные, психологические, социокультурные и собственно коммуникативные. Хотя эти кластеры взаимосвязаны, они воспроизводят созависимый круг токсичности в речеповеденческой матрице человека на уровне регулятивного управления психоэмоциональным состоянием, которое имеет этносоциокультурные различия в разных коммуникативных традициях мира [5].

Аудиальный язык агрессии может передаваться через особые звуки (скрежет, скрип, крик, рычание, шипение), интонационный рисунок (намеренное повышение или понижение тона, изменение скорости речи), что позволяет фонетическим средствам выражения агрессии вызывать у реципиентов чувство напряжения, гнева и угрозы.

Таблица 1

Классификация аудиальных параметров агрессии

Аудиальная репрезентация агрессии в медиапространстве			
Голос	Природные шумы и звуки	Техногенные шумы и звуки	Музыкальное сопровождение
Изменение интонации	Голоса животных, птиц	Скрежет автомобиля, скрип стекла	Использование «темного» звучания
Изменение уровня громкости	Звуки естественного падения чего-либо	Звуки падающей стены, взрыв	Тяжелый рок
Изменение темпоритмической организации речи	Звуки порывов ветра, раскатов грома, грозы	Звон разбившегося стекла, шипение	Шумовые инструменты

В российском этнокультурном фонематическом коде агрессии центральная позиция принадлежит ударению, потому что сильное и резкое ударение на ключевых словах и/или фразах в новостном сообщении придает дополнительное эмотивное значение, которое реализуется продуцентом высказывания, позволяя вызвать максимальные психоэмоциональные реакции у реципиента. В этом плане наиболее показательным будет поведение Тины Канделаки, которое сигнализирует на паравербальном уровне о борьбе, негодовании, раздражении или даже ярости. Отсюда громкая, резко артикулированная речь с атакой на звуке, быстрый, «нападающий» темп речи.

Признанными фонетическими средствами выражения агрессии являются громкость и интонация голоса. Громкие и резкие звуки могут вызывать чувство угрозы и страха у слушателя. Это относится и к русскоязычному и китайскоязычному дискурсу. Кроме того, использование агрессивной интонации, такой как повышение тона и нарастание громкости, может также помочь подчеркнуть угрожающую сущность высказывания. Например, в русскоязычном дискурсе — использование повышенной интонации и акцентирование конечных согласных звуков в словах могут создать эффект раздражения и ярости. В китайскоязычном дискурсе — акцентирование на тоне при произношении слов.

Кроме того, изменение скорости и ритма речи также может служить фонетическим средством выражения агрессии. Быстрая и нечеткая речь создает впечатление нервозности и напряженности. Напротив, медленная и паузированная речь может подчеркнуть гнев и угрожающий настрой. Темп и ритм речи также могут измениться в состоянии агрессии. Человек может говорить быстрее и с более резкими переходами между словами, что отражает его внутреннее напряжение и готовность к конфликту.

Компрессия агрессии в речи может нагнетаться за счет повторения слов и фраз, что создает эффект усиления и подчеркивает эмоциональное состояние продуцента. Он может также использовать эмотивные хезитации, типа: «хм» или «э-э-э», чтобы выразить свою раздраженность.

Необходимо также отметить, что специально подобранные звучания слов в тексте могут оказывать влияние на восприятие агрессии. Резкие и звонкие звуки, например, могут вызвать ощущение угрозы и опасности, так как их частое сочетание может передавать раздражение и враждебность. Интерпретатор, зачитывающий агрессивный текст, часто повышает тон и говорит громче, чтобы привлечь внимание и показать свою силу. Кроме того, в речи интерпретатора можно заметить использование резких и отрывистых интонаций, которые подчеркивают негативные эмоции в тексте. Слова могут произноситься с яростью и злобой, делая паузы между ними, чтобы подчеркнуть точку зрения.

Транскрипции русских слов и китайских слов, их звуки имеют алфавитную схожесть. Формализация естественных языков должно осуществляться благодаря использованию существующих инструментов фонетического разбора. Классическое использование фонетического разбора в русском языке с применением китайских слогов интерпретируется нами как возможность разработки российской системы автоматической детекции агрессии в новостном дискурсе Китая.

Примеры фонетического разбора слов в русскоязычном новостном дискурсе СМИ:

Убийство — слово из 3 фонетических слогов: у-бий-ство. Ударение падает на 2-й слог.

Транскрипция слова: [уб'ий'ства]

у [у] — гласный, безударный;

б [б'] — согласный, звонкий парный, мягкий (парный);
и [и] — гласный, ударный;
й [й'] — согласный, звонкий непарный, сонорный (всегда звонкий), мягкий (непарный, всегда произносится мягко);
с [с] — согласный, глухой парный, твердый (парный);
т [т] — согласный, глухой парный, твердый (парный);
в [в] — согласный, звонкий парный, твердый (парный);
о [а] — гласный, безударный.
В слове 8 букв и 8 звуков.

При фонетическом разборе слова «убийство» используются правила:

— согласный б перед мягким знаком и перед гласными я, е, ю, и, е произносится мягко [б'];

— буква й всегда означает мягкий звук [й'];

— буква о в безударном слогe обозначает звук [а].

Звуковая схема (модель) слова убийство: **убийство**.

Фонематический рисунок звучащей китайской речи может восприниматься как агрессивный неносителями китайского языка за счет более коротких слов, тоновой организации ударений и специфики построения предложения. В Китае одним из наиболее эффективных фонетических средств, используемых для выражения агрессии, являются тоны. Сильное и резкое ударение на тоны слов во фразах подчеркивает их важность и придает дополнительную эмоциональную интенсивность. Такое выделение заставляет реципиента обратить внимание на информацию с эмоциональным агрессивным контентом.

При формализации фонетического разбора китайских слов в настоящем диссертационном исследовании мы придерживались российским лингвистическим правилам с характерными звуковым обозначениями. Необходимость стандартизации и перевода обуславливает дополнительные особенности выполнения настоящего диссертационного исследования. При дальнейшем изучении темы нами обнаружено, что создание межязыковой интерпретации агрессивного дискурса в мультязыковых моделях сталкивается с трудностями разработки единой формализованной языковой системы.

Примеры фонетического разбора слов в китайскоязычном новостном дискурсе СМИ:

1. 騙子 (пер. букв.: „мошенничество“).

Транскрипция тона: Pìànzi [пхэн'цзы] — слово из 1 тона pìàn-zì, 2 фонетических слога: пхэн-цзы. Понижающий тон ударения падает на 1-й слог.

п [п'] — согласный, глухой парный, мягкий (парный), шумный;

ь — не обозначает звука;

х [х'] — согласный, глухой непарный, мягкий (парный), шумный;

е [э] — гласный, ударный;

н [н] — согласный, звонкий непарный, сонорный (всегда звонкий), твердый (парный);

ц [ц] — согласный, глухой непарный, твердый (непарный, всегда произносится твердо), шумный;

з [з] — согласный, звонкий парный, твердый (парный), шумный;

ы [ы] — гласный, безударный.

В слове 8 букв и 7 звуков.

При фонетическом разборе слова «пхэн'цзы» используются правила:

— согласная п перед мягким знаком и перед гласными я, е, ю, и, е произносится мягко [п'];

— мягкий знак не образует звука, но смягчает предыдущую согласную;
— согласная *х* перед мягким знаком и перед гласными *я, е, ю, и, е* произносится мягко [х'];

— буква *е* в ударном слоге обозначает звук [э].

Звуковая схема (модель) слова Пьхенцзы: пьхенцзы.

2. 屈辱 (пер. букв.: „унижение“).

Транскрипция тона: Qǐgǔ [цси:ру] — слово из 2 тонов Qǐ-гǔ, 2 фонетических слога: тси-ру. Прямой тон ударения падает на 1-й слог, повышающий — понижающий тон ударения падает на 2-й слог.

т [ц:] — согласный, глухой непарный, твердый (непарный, всегда произносится твердо), шумный, долгий звук;

с — не образует звука в данном слове;

и [и] — гласный, ударный;

р [р] — согласный, звонкий непарный, сонорный (всегда звонкий), твердый (парный);

у [у] — гласный, ударный.

В слове 5 букв и 4 звука.

При фонетическом разборе слова «цси:ру» используются правила:

— Согласная *т* после ударной гласной образует долгий звук [цси:].

Звуковая схема (модель) слова Тсиру: тсиру.

Шептание и шипение — дополнительные фонетические средства, которые могут использоваться для передачи агрессивного настроения. Эти звуки имитируют злобу и злость, создавая ощущение тревоги и опасности. Шипение звуков «с» и «ш» придает речи жестокость и вызывает неприятные ассоциации. Также еще одним фонетическим средством выражения агрессии является скрежет. Звук скрежета, передаваемый клинком о клинок или другими твердыми предметами, производит беспокоящий шум. Этот звук может быть использован для усиления эффекта угрозы или вызова страха. Данный эффект одинаково подходит как для русскоязычных, так и для китайскоязычных интерпретаторов.

Наконец, использование специально подобранных фраз с элементами иронии, насмешек может служить средством высказывания гнева и злости, а также явные оскорбительные выражения, угрозы наряду с изменением эмоциональной окраски голоса. Следует отметить, что китайские респонденты больше внимания уделяют эмоциональной окраске сообщения, что позволяет улавливать оттенки эмоционального отношения собеседника, вследствие музыкально-тонического строя языка. Если в русской коммуникации агрессивные тексты могут использовать дисфемизмы для выражения злости и негодования, то в китайской коммуникации обратят внимание не столько на метафоричность речи, сколько на эмоциональное выражение голоса. Эти качества также могут рассматриваться в качестве формализации использования фонетических средств для выявления агрессивного настроения.

Учитывая изложенное можно сделать вывод, что современный российско-китайский новостной дискурс обнаруживает эволюцию использования агрессивов от имплицитно непроявленной степени вербальной агрессией до использования ярко выраженного открытого конфликта/ борьбы с включением широкого диапазона фонематических маркеров с доминированием запугивания, дезориентации, порицания, нотаций, насмешки, инвективы и жестких требований в противовес формату агрессии с демонизацией оппонента и лингвокогнитивными искажениями. Сочетанное использование разных кодов на вербальном и паравербальном уровнях создает дополнительные эмотивные нюансы к основному эмоциональному тону новостного сообщения.

Сами социальные предпосылки, постоянно воспроизводя аудиальную дискриминацию, становятся источником для коммуникативных причин проявления этого феномена, среди которых важной является следующий **комплекс индикаторов агрессии**:

1. Нарочито агрессивная манера речи как культ «сильного языка». При этом происходит диссонанс с манерой изложения, закрепленной в китайской традиционной философии, в которой громкая речь, экспрессия является проявлением агрессии и проявлением внутреннего дисбаланса и/или одно из неблагих деяний, которые соотносятся с деяниями тела, мысли (мозга/интеллекта) и речи (сердца/чувства). Поэтому китайский стиль общения базируется на игнорировании провокативной речи, которая противопоставляется социально поощряемой практике молчания и ритуализации, что особенно заметно в межкультурной коммуникации между китайцами и русскими, речь последних зачастую воспринимается как грубая по отношению к собеседнику. Китайская культура, базирующаяся на постулатах конфуцианства, строго регламентирует правила общения в самых разнообразных ситуациях. В то же время китайское поведение вследствие коммуникативной дистанции воспринимается русскими как неискреннее, потому что русские считают необходимым демонстрировать эмотивность восприятия речи собеседника.

2. Использование подчиняющей интонации приказа для воспроизводства социально-генетического коммуникативного стереотипа родительского сценария с коммуникативными пугническими установками родителей, настраивающих своих детей к постоянной борьбе за «место под солнцем», что особенно актуально в условиях высокой профессиональной конкуренции в Китае. Реализация интонационных традиций в канонах речеповеденческой матрицы сыновней почтительности и братской добродетели используют пониженный и уважительный тон общения в разговоре со старшими, с акцентом на социальной мотивации «стремление к успеху, карьерному росту, похвале», благодаря чему социально-психолингвистический инжиниринг выступает регулятором допустимости социального проявления эмоций. Китайская платформа «Наблюдатель за правосудием» использует 21 мировой язык, включая русский, чтобы продемонстрировать общественно-экспертный надзор в решении конфликтогенных тем в китайском обществе.

3. Использование аудиально-паравербальных средств реализации агрессии как варианта коммуникативного насилия и принуждения к выполнению действий. При этом в китайской культуре мы встретим опосредованно мягкий вариант, напоминающий трансформационные метафорические стратегии М.Эриксона, а в русской культуре — директивно выраженный, экспрессивный, что отразилось в наименовании русских в китайской среде, как боевой нации.

4. Паравербальная невосприимчивость и внешняя интактность к агрессивным компонентам окружающей среды под влиянием компрессии агрессивного контента с формированием эмоциональной холодности к речеповеденским стратегиям гнева, злости, жестокости, насилия, агрессии. При этом наблюдается поляризация в плане формирования и противоположной стратегии — гипертрофированной чувствительности к эмотивным компонентам, избегание экспрессивных элементов в речи и поведении, возврат к куртуазным проявлениям понимания тонкого намека.

В настоящее время имеет место бум в изучении феномена агрессии в контексте преодоления ее разрушительного действия, нивелирования конфликтов и поиска созидательной силы трансформации личности в условиях стандартизации этнокультурного ценностного кода того или иного общества [6], [7]. Параллельно идет работа по автоматическому выявлению агрессивов, провокативов деструкции, потенциально опасных текстов и составлению автоматического цифрового

профайлинга пользователей с агрессивной доминантой в личностной характеристике [8], при этом конструктивная агрессия, как правило, игнорируется, что приводит к нивелированию роли агрессии в развитии человека и общества.

Китайская традиция «сохранения лица» в публичном пространстве выстроила программу внутреннего контроля собственного поведения, чувств и эмоций, делая акцент на позитивных сторонах жизни, что не всегда правильно понимается носителями других этнокультур и преподносится как фальшивость, в связи с чем подвергается переинтерпретации носителями других лингвокультур. В русской культуре высоко ценится эмоциональное восприятие и яркое выражение эмоций, что может восприниматься как несдержанность представителями восточных культур. В межкультурной коммуникации зачастую обнаруживаются ошибочные результаты в понимании оценки действий представителей другой этнолингвокультуры и/или расы [9].

Анализ за речеповеденскими особенностями человека позволили создать эмоциональный искусственный интеллект Empath, в программу которого заложена верификация базовых эмоций по характеристике интонации и высоты голоса в онлайн-режиме без привязки к языку, только на основе акустических свойств голоса [10].

Говоря об аудиальных характеристиках агрессивных проявлений человеческого поведения, необходимо признать, что проявление агрессивности, несмотря на нейропсихологическую первопричину, преимущественно зависит от общественных условий и этносоциокультурного опыта [11], [12]. Зачастую аудиальные признаки агрессии сложно поддаются формализации, поскольку одна и та же фраза может восприниматься людьми по-разному: для одних — хамство и агрессия, для других — обычное поведение, для третьих — сигнал к мгновенному действию.

Заключение

Выявление индексов агрессивов в поликодовом медиапространстве обусловлен синергией нейробиологических, психофизиологических, социально-политических, этнокультурных и психолингвистических маркеров эмотивного проявления негативных настроений и противостояния к кому-либо или чему-либо. Сам феномен агрессии вследствие сложности организации в системе регуляции эмоций и их выражения при осознании собственных и чужих личностных границ, определении степени комфорта/дискомфорта с древних времен подвергался разного рода стигматизации и мистификациям. Регуляторная роль агрессии как демаркационная линия в социальном поведении предопределила формирование этносоциокультурных норм в странах Востока и Запада. Китайские власти, оценив масштабы воздействия слова в интернет-пространстве, ввели уголовную ответственность за проявления вербальной агрессии в публичной сфере и разработали систему поддержки жертв агрессии в плане сбора доказательств. Аналогичная статья есть и в российском законодательстве, однако доказательные процедуры лежат на самой жертве, в то время как психологическое неодобрение со стороны российского общества по отношению к обоим актерам агрессивной ситуации делают практически невозможным проведение процессов по таким делам. Китайская научная аналитика использует термин «вербальная дискриминация» вместо термина «агрессия», что следует учитывать при разборах подходов к феномену агрессии в научно-исследовательской практике. Исследованием агрессии занимаются исследователи социально-гуманитарных и естественных наук, выводя в параллель специфические маркеры агрессии, которые оказывают поддерживающее влияние для реализации этой реакции. Закономерно видеть в агрессии своеобразное состояние психики как отражение свойств личности, особенностей коммуникации с людьми и окружающим

миром, проявлений индивидуальных особенностей темперамента в тесной связке с вербализацией этих качеств. Вместе с тем аудиальная реализация агрессия во многом апеллирует к первичным звуковым комплексам «бей или беги», которые характерны не только для человека, но и других живых организмов: рык, шипение, жужжание. Однако интерпретация феномена агрессии через аналогии согласно теории «животного» начала в человеке подвергалась социальной стигматизации, что препятствовало изучению глубинных механизмов реализации агрессии в психофизиологической коммуникации, но получила новые возможности в условиях эпохи IT-технологий и искусственного интеллекта.

Примечания:

1. Шишхова Н. М., Анкудинов К. Н. Контексты семантики и фоносемантики: сады, цветы и цвет в творчестве Александра Блока и Виктора Сосноры // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2023. Вып. 1 (312). С. 46–57. DOI: 10.53598/2410-3489-2023-1-312-46-57.
2. Алексанян А. Р. Языковые особенности реализации эмоционального состояния страха в произведениях С. Кинга на английском и русском языках // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2023. Вып. 3 (322). С. 58–66. DOI: 10.53598/2410-3489-2023-3-322-58-66.
3. Fu W., Tang W., Zhang L. Measuring left-behind children's discrimination perception in China: the development of discrimination perceptions of left-behind children Scale // Med. Clin. Sci. 2022. № 4 (4). P. 1–8. DOI: 10.33425/2690-5191.1066.
4. Карабулатова И. С., Чжан Л. Вербальная дискриминация в медиапространстве как отражение осмысления речеповеденческой агрессии: различия в трактовках Востока и Запада // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 2. С. 18–39. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-2-18-39.
5. Negativizing emotive coloronyms: A Kazakhstan-US Ethno-Psycholinguistic comparison / I. B. Bulegenova, I. S. Karabulatova, G. K. Kenzhetayeva [et al.] // Amazonia Investiga. 2023. No 12 (67). P. 265–282. URL: <https://doi.org/10.34069/AI/2023.67.07.24> (дата обращения: 12.08.2024).
6. Каликова А. М., Беспалова Ю. Е., Тастемирова З. К. Тактики проявления вербальной агрессии в русском и китайском политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2022. № 1 (81). С. 62–64.
7. Лингвосемиотические маркеры гендера в современном вокально-музыкальном дискурсе как отражение нейрокогнитивной информационной войны в пространстве культуры / Р. В. Лосева, И. С. Карабулатова, Е. М. Околышева, М. Н. Карабулатов // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2024. Вып. 1 (332). С. 45–61.
8. Метод детектирования агрессивных пользователей информационного пространства на основе генеративно-состязательных нейронных сетей / М. Ю. Уздяев, Д. К. Левоневский, О. О. Шумская, М. А. Летенков // Информационно-измерительные и управляющие системы. 2019. Т. 17, № 5. С. 60–68.
9. Alabi J. Racial Microaggressions in Academic Libraries: Results of a Survey of Minority and Non-minority Librarians // The Journal of Academic Librarianship. 2015. Vol. 41, Issue 1. P. 47–53. URL: <https://doi.org/10.1016/j.acalib.2014.10.008> (дата обращения: 12.08.2024).
10. Шляпников В. В. Искусственный интеллект: эмпатия и подотчетность // Общество. Среда. Развитие. 2023. С. 100–103. DOI 10.53115/19975996_2022_03_100-103.
11. Gender semiology in folklore traditions: Russia, China and Adygea / Z. R. Khachmafova, I. S. Karabulatova, R. Unarokova [et al.] // Amazonia Investiga. 2023. № 12 (69). P. 260–269. URL: <https://doi.org/10.34069/AI/2023.69.09.23> (дата обращения: 12.08.2024).
12. Association Strategies of Speech Behavior of Communicators in Coding Discourse: An Interdisciplinary Approach Towards Understanding the Role of Cognitive and Linguistic Processes in Communication / L. Zhang, I. Karabulatova, A. Nurmukhametov, M. Lagutkina // Journal of Psycholinguistic Research. 2023. P. 1–17. URL: <https://doi.org/10.1007/s10936-023-09966-z> (дата обращения: 12.08.2024).

References:

1. Shishkova N. M., Ankudinov K. N. Contexts of semantics and phonosemantics: gardens, flowers and color in the works of Alexander Blok and Viktor Sosnora // Bulletin of the Adyghe State

University. Ser.: Philology and the Arts, 2023. Iss. 1 (312). P. 46–57. DOI: 10.53598/2410-3489-2023-1-312-46-57.

2. Aleksanyan A. R. Linguistic features of representing fear in the works of S. King in English and Russian // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts, 2023. Iss. 3 (322). P. 58–66. DOI: 10.53598/2410-3489-2023-3-322-58-66.

3. Fu W. Measuring left-behind children's discrimination perception in China: the development of discrimination perceptions of left-behind children Scale // Med Clin Sci. 2022. № 4 (4). P. 1–8. DOI: 10.33425/2690-5191.1066.

4. Karabulatova I. S., Zhang L. Verbal discrimination in the media space as a reflection of understanding of speech and behavioral aggression: differences in interpretations of East and West // Key Issues of Contemporary Linguistics. 2024. No. 2. P. 18–39, DOI: 10.18384/2949-5075-2024-2-18-39.

5. Negativizing emotive coloronyms: A Kazakhstan-US Ethno-Psycholinguistic comparison / I. B. Bulegenova, I. S. Karabulatova, G. K. Kenzhetayeva [et al] // Amazonia Investiga. 2023. No 12 (67). P. 265–282. URL: <https://doi.org/10.34069/AI/2023.67.07.24> (access date: 12.08.2024).

6. Kalikova A. M., Bespalova Yu. E., Tastemirova Z. K. Tactics of verbal aggression manifestation in Russian and Chinese political discourse // Political linguistics. 2022. № 1 (81). P. 62–64.

7. Loseva R. V., Karabulatova I. S., Okolysheva E. M., Karabulatov M. N. Linguistic semiotic markers of gender in modern vocal and musical discourse as a reflection of the neurocognitive information war in the cultural space // Bulletin of the Adyghe State University. Ser. 2. Philology and the Arts. No. 1 (332). P. 45–61.

8. Uzdyayev M. Yu., Levonevsky D. K., Shumskaya O. O., Letenkov M. A. Method for detecting aggressive users of the information space based on generative-competitive neural networks // Information-measuring and control systems. 2019. Vol. 17, No. 5. P. 60–68.

9. Alabi J. Racial Microaggressions in Academic Libraries: Results of a Survey of Minority and Non-minority Librarians // The Journal of Academic Librarianship. Vol. 41. Iss. 1. P. 47–53, <https://doi.org/10.1016/j.acalib.2014.10.008> (access date: 12.08.2024).

10. Shlyapnikov V. V. Artificial intelligence: empathy and accountability // Society. Environment. Development. 2023. P. 100–103. DOI 10.53115/19975996_2022_03_100-103.

11. Gender semiology in folklore traditions: Russia, China and Adygea / Z. R. Khachmafova, I. S. Karabulatova, R. Unarokova [et al] // Amazonia Investiga. 2023. № 12 (69). P. 260–269. URL: <https://doi.org/10.34069/AI/2023.69.09.23> (access date: 12.08.2024).

12. Zhang L., Karabulatova I., Nurmukhametov A. & Lagutkina M. (2023). Association Strategies of Speech Behavior of Communicators in Coding Discourse: An Interdisciplinary Approach towards Understanding the Role of Cognitive and Linguistic Processes in Communication. Journal of Psycholinguistic Research, 1–17. <https://doi.org/10.1007/s10936-023-09966-z> (access date: 12.08.2024).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.08.2024; одобрена после рецензирования 10.09.2024;
принята к публикации 20.09.2024.

The paper was submitted 21.08.2024; approved after reviewing 10.09.2024;
accepted for publication 20.09.2024.

© Чжан Лудань, Карабулатова И. С., 2024